

Борис Левандовский

Город одиноких (сборник)

Борис Левандовский
Город одиноких (сборник)

«Автор»

Левандовский Б.

Город одиноких (сборник) / Б. Левандовский — «Автор»,

В сборник вошли новеллы: «Голос», «Сгоревший» и «Бабуля».

© Левандовский Б.

© Автор

Содержание

Голос	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Борис Левандовский

Город одиноких

новеллы

Голос

Глава 1

– Каре!

Влад оглянулся на прыщавого типа в синей балониевой куртке, что топтался за спиной последние минут пять. Парень подмигнул ему и ухмыльнулся.

– Рискнешь? – Явно один из постоянных прихожан, исповедующих местную религию – культ бубен и червей; рука с банкой пива повисла на уровне груди. – Пара ударов... и считай, день прошел на сто пудов.

Влад пожал плечами, но его рука уже тянулась к той кнопке на автомате для игры в покер, что переводит призовую комбинацию в стадию удвоения очков... если повезет. А последние полчаса ему фартило по-сумасшедшему.

Он начал слышать голос.

Словно кто-то шептал в самое ухо. Сперва Влад огляделся, – но никто настолько близко к нему не стоял, – а затем решил, что виной тому глюк большинства помещений, где слишком мало места в атмосфере, чтобы выдержать столько нервных людей; плюс полторы дюжины игровых автоматов, рождающих под аккомпанемент пришибленной попсы из динамиков на потолке не сравнимую ни с чем какофонию.

Потом Влад понял, что голос говорит ему толковые вещи и звучит все отчетливее, будто какая-то невидимая дверь в его голове открывается шире и шире... Он стал прислушиваться – и дела пошли в гору. Вскоре в правом верхнем углу экрана сумма кредита перевалила за тысячу очков.

– Большая, верняк. Если не выскочит топор, – сказал прыщавый, когда палец Влада коснулся кнопки.

Однако в этот момент голос появился снова и отговорил его от розыгрыша комбинации, предсказав девяносто шесть процентов вероятности, что выпадет «топор» – семерка. Влад почти без колебаний отправил помноженную в сорок раз ставку на шести монетах в кредит.

Парень за спиной хмыкнул и протяжно рыгнул, обдавая Влада пивным духом, затем двинулся в другой конец зала, где быстро формировалась заинтересованная толпа желающих увидеть Большой Удар. Влад краем уха уловил, что речь идет о четырех тысячах монет – примерно в два раза больше, чем у него сейчас было в кредите. Но пусть за этим следят «банкроты» и те, кто просто любит поошиваться среди звона и бряцанья в табачном тумане. У него своя игра. Лучшая, с тех пор, как он впервые переступил здешний порог.

Удар по кнопке запуска: пять одинаковых «рубашек», поочередный переворот – новая комбинация.

«Жопа», – говорит голос.

– Она самая, – соглашается Влад и без особого сожаления меняет все пять карт: при таком раскладе почти никаких шансов, в принципе, не было с самого начала.

Предчувствуя серию «пустышек», Влад уменьшил ставку хода до одной монеты. Голос промолчал, видно, придерживаясь того же мнения.

Новое касание кнопки «пуск» – новый расклад.

Замена трех карт – ни зацепки.

И все повторяется.

Тем временем возбуждение толпы в другом конце зала усиливается: игрок принял окончательное решение и готов прыгнуть в темноту без страховочной веревки.

Влад ловит «стрит», но только на одной монете – это подачка в жестянку нищего – и «сгорает», поймав «топор» на первом же ударе.

Пять карт, переворот.

Гул голосов на секунду умирает... и лопаются осколками выкриков – у идущего на Большой Удар в последний момент сдают нервы.

На экране мелькание «рубашек», Влад криво улыбается: еще не все открыты, но уже все ясно. Этот участок дороги нужно просто преодолеть, немного терпения – и ты снова на скоростной магистрали. Главное, не прошляпить момент, ибо отрезок асфальта может быть очень короток.

Толпа в стороне одобрительно ржет, когда игрок в мгновенной решимости бросается к «покеру» (похоже, сам еще не понимая происходящего) и лупит по кнопке. Влад отвлекается, но со своего места может только слышать: точное попадание. А вообще, все это его мало волнует.

Одинаковые «рубашки», переворот, замена двух карт в надежде составить простую комбинацию из трех валетов... *пик!* – ответ этого электронного дегенерата, сожравшего очередную монету. И все повторяется сначала.

Высокий парень справа, недавно начавший игру на соседнем «покере», бьет ладонью по волшебной кнопке (*пик!*) и отходит с пустыми глазами. Влад знает, что он сейчас чувствует, увидев в кредите дырку от задницы. Но сочувствие к проигравшему – последнее, что тебе необходимо, если всерьез собираешься что-нибудь вытрясти из этой кучи пиликающего металлолома... уж это он усвоил за те ежедневные пять-шесть часов, которые проводил здесь последние две недели. Короче, сочувствие вовсе не полезная вещь для твоих карманов и способно лишь превратиться в синоним разорения – сперва это происходит незаметно, а потом... потом становится уже слишком поздно. Как всегда.

«Стоп», – сказал голос после розыгрыша очередной комбинации – бесплодной, как лед. – «Прибавь-ка газку, смелее».

Влад поднял ставку до десяти монет при максимуме в двадцать (о чем уже вскоре сожалел).

Новый переворот: туз и десятка в крестах, разномастные – восьмерка, дама и четверка... полный аут. Можно, конечно, попробовать выстроить «стрит», но Влад решает заменить все, кроме туза.

«И десятку», – говорит голос. Влад пожимает плечами – пальцем в небо, можно сказать, – но все же следует совету.

То, что произошло дальше, заставило его ощутить себя героем чудесного, но жутковатого сновидения, что тихо подкрадывалось сзади шаг за шагом и вдруг вломилось с треском и грохотом в реальную жизнь.

Пик, пик, пик... кувырки трех замененных карт и: валет треф, дама треф, король треф – ФЛЕШ РОЯЛЬ!

Пока ящик поздравительно гремит, руки автоматически отправляют выигрыш в кредит, щелк, щелк, щелк... трр-р-р-р-р... Дзинь! Общая сумма вырастает сразу на пять тысяч монет. Святые грешники, целых *пять тысяч!*

Его триумф остается не замеченным. Игрок, сделавший удачный Большой Удар в другом конце зала, только что продал право следующего хода кому-то из желающих рискнуть по крупному – сейчас все глаза направлены именно туда. И Влада это вполне устраивает, реклама ему ни к чему.

Он мысленно переводит сумму кредита, – теперь она составляет около семи тысяч очков, – в реальные деньги и остается более чем доволен результатом. Таким вполне могло оказаться трехмесячное жалование на работе, которая у него была еще две недели назад и на

которую он якобы продолжал отправляться каждое утро, кроме суббот и воскресений. Именно так это выглядело для родителей – из-за чего, собственно, все и началось.

Влад жестом подозвал зрителя, обслуживавшего его часть зала, показывая, что собирается уходить. Он мельком подумал, что если бы игра велась на жетонах, то их, должно быть, хватило, чтобы набить целый мешок, как золотыми монетами в диснеевских мультиках о Скрудже Макдаке.

После расчета с кассиром Влад выбрался на улицу, наполняя легкие свежим воздухом и чувствуя себя немного *улетевшим*, будто сделал пару затяжек сигаретой, набитой вовсе не табаком.

Уже давно стемнело, да и погода к тому же (впрочем, погода вполне обычная для Львова в начале ноября) не слишком располагала к вечерним прогулкам, но народу на улице все равно хватало, потому что была суббота. Он потрогал рукой правый карман брюк, в котором лежали деньги, с блаженным удовольствием сознавая, что может теперь отправить ко всем чертям то гнетущее чувство вины и страха, что росло в душе последние пятнадцать дней. Он осторожно прислушался к себе, и действительно – ничего не было.

Он зашагал домой.

Вопреки расхожему утверждению, будто армия способна слепить из обычного парня настоящего мужчину, существует мнение, что дело не столько в самой армии, сколько в том, как тот, кто, пройдя сквозь ее стальные жернова, сумеет выбраться назад живым и с наименьшими потерями. Мысль об уникальной возможности лично убедиться в правоте этого мнения Влада совсем не вдохновляла. Поэтому, когда незадолго до призыва выяснилось, что «школа мужества» займется кем-то другим (у него обнаружился порок сердца, который развился после перенесенной в детстве скарлатины и успешно скрывался до последнего времени), он испытал вполне справедливое чувство облегчения. В общем, если бы никакого порока не существовало, его стоило бы придумать.

Что же касалось его родителей, то они восприняли эту новость без особого энтузиазма, настроившись в ближайшие два года ослабить тугую узду семейного бюджета, пока Влад будет находиться на казенном обеспечении. И уж тем более он не мог рассчитывать на получение высшего образования, ни до, ни после (а если ему так сильно приспичит иметь диплом, никто, естественно, не станет возражать, чтобы он самостоятельно прокладывал свой жизненный путь – разве не так поступают многие молодые люди в наши трудные времена, честь им и хвала?).

Так вышло, что он оказался единственным, но чересчур уж поздним их ребенком. Отец ушел на пенсию, когда Влад начал учебу в выпускном классе средней школы, а мать на пять лет раньше. Его не редко выводил из себя их до невозможности старческий вид, когда отец или мать являлись за ним в школу первые год-полтора. Он их за это просто ненавидел (особенно, если на следующий день ему кто-нибудь доверительно сообщал, что, наверное, здорово иметь такого молодежавшего *дедушку*; или родители никогда за ним не приходят, потому что, должно быть, сильно заняты).

Став подростком, Влад серьезно беспокоился – и, как доказала жизнь, не напрасно: рассчитывать на помощь родителей-стариков, чтобы комфортно въехать в свое взрослое будущее, ему не приходится. А поскольку ни в его характере, ни в воспитании не было заложено достаточно прочности для превращения в *self made man*, перспектива ближайших лет не особо баловала воображение светлыми тонами. Да и стимула не прибавляла. Такой расклад.

Первые несколько недель, после того как вопрос армии был снят, он слонялся по улицам или торчал дома, не слишком усердствуя в выборе подходящего занятия. В конце концов, тема работы перестала витать в домашней стратосфере, опустилась в атмосферу, а затем уверенно ступила на твердую землю. Оправдания отсутствием специальности (если не считать сомнительного листка, утверждавшего о наличии у него некоторого профобразования, полученного

в средней школе на каких-то дерьмовых курсах раз в неделю) действовали на родителей слабо. При этом старый козел неизменно повторял, что в его время уважающие себя молодые люди из рабочих семей (да уж, их семейка на профессорскую никак не тянула – но это единственное, с чем был согласен Влад) начинали с низшей ступени ученика на заводе, получая специальность прямо на производстве, а не протирая задницу по бурсам, как и он сам. «Ага, – ухмылялся Влад про себя, – и делали потрясающую карьеру за тридцать лет от простого рабочего до старшего рабочего. Чтобы затем передать портянки по наследству... только меня твой гребанный завод что-то не очень заводит, старый ты мудака».

Через неделю в дело активно включилась мать. И следующим утром он топал в свой первый Крестовый поход на поиски работы – с паспортом и аттестатом о среднем образовании в кармане и исчерпывающими инструкциями типа: на самых нужных ему дверях обязательно должна висеть табличка ОТДЕЛ КАДРОВ.

За три дня он побывал за множеством дверей с заветной табличкой, но лишь за одной ему сказали, что подходящая для него вакансия, возможно, появится через месяц. На четвертый отец ткнул Влада носом в объявление в газете для желающих найти работу, которую специально купил перед этим (ну, вы знаете, одна из тех, что лучше годятся под естественные человеческие нужды, тогда от них появляется хоть какой-то толк). В объявлении шла речь о крупном наборе торговых агентов «по продаже товаров народного потребления», а также сообщалось, что возраст и образование значения не имеют.

Старики разве что не писали кипятком от нетерпения, когда он отправится на собеседование по указанному адресу без телефона. Похоже, что отсутствие требований к возрасту и образованию для них звучало так же, как: «Мы готовы взять кого угодно и платить деньги за то, что вы просто есть, потому что мы отличные ребята. Гы-гы...» Однако Влад, при всей своей относительной ограниченности кругозора, никак не разделял их восторгов, быстро смекнув, что за подобными зазываниями кроется либо полная фигня, либо люди, которые любят *брат* деньги наперед, потом долго судачить о бонусах и уникальном бизнесе и строить Сеть, беспрерывно бормоча: «Делай как я». Но даже если это было не так, его торговых талантов все одно не хватило бы втюхать и стакан воды умирающему в пустыне от жажды (с довеском в виде двух бесплатных билетов на концерт Элтона Джона). Казалось, это ясно любому, кто его хоть немного знал. Всем, кроме его собственных родителей.

Главная проблема заключалась в том, что он сам не знал, чего хочет. Не имел ни малейшего понятия.

На следующий день он попросту соврал, что был на кастинге и ему отказали. Гы-гы-гы. Тогда старик с неохотой, но все же сказал, что так и быть, он готов пойти против собственных принципов и замолвить за него словечко на бывшем месте работы, «где его еще хорошо помнят и уважают». Влад внезапно разозлился и прямо дал понять, что вовсе не думает лопнуть от гордости, получив завидный шанс примерить старые отцовские портянки. В результате все закончилось грандиозной ссорой.

Но деньги, конечно, были нужны – с этим Влад поспорить не мог, в особенности, когда вопрос семейной экономики неизбежно сужался до его личных интересов. Господи, ну не такой же он идиот!

Спустя пару дней, шатаясь по городу, он случайно обратил внимание на большие железные ворота, на которых был прикреплен липкой лентой лист бумаги.

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ МОЙЩИК АВТОМОБИЛЕЙ

Ворота, принадлежавшие станции техобслуживания, в этот момент открылись, пропуская темно-серебристую «Ауди-80». Влад подошел к сторожу (с охранником этого деда невозможно было спутать) и спросил:

– С кем здесь можно переговорить о работе автомойщика?

Тот отправил его прямоком к директору автосервиса, которого Влад без труда выделил среди трех человек, стоявших у крайнего подъемника.

В помещении, напоминавшем нечто среднее между обычным заводским цехом и – как показалось Владу – крайне запущенным многоместным гаражом, воняло незнакомой смесью краски, бензина, моторного масла и еще чего-то такого, что вызвало у него ассоциацию с грудой старых автомобильных покрышек, тонущих в ржавом болоте. Что-то лязгало и надсадно жужжало (уже на следующий день Влад был совершенно уверен, что всегда знал название хреновины, издающей этот мерзостный звук, от которого у него ползли мурашки по всему телу).

Директор, задал ему несколько стандартных вопросов, при этом не прекращая следить за действиями рабочих и обмениваться репликами со своим помощником, и сказал, что эта работа в самый раз для парня, который ничего не умеет. И еще сказал, что зарплата мойщика у них от выработки, поэтому если Влад рассчитывает околачивать груши, вместо того чтобы угождать клиентам, пусть проваливает сразу. На самом деле все это выдавалось короткими порциями в паузах между воем «болгарок», рокотом подъемников и его собственными выкриками.

Дебютный выход Влада должен был состояться на следующее утро. Простота, с которой ему сообщили о его первой в жизни работе, настолько его обескуражила, что Влад переспросил, действительно ли он правильно понял, и, получив утвердительный ответ, едва удержался, чтобы не сделать это снова.

Дома он сообщил родителям о своих скромных успехах (испытывая при этом некое мрачноватое удовлетворение). Мать была на седьмом небе, а отец воспринял молча и только уже вечером проворчал в усы, что раз уж Влад станет отираться на СТО, то, не будь дураком, должен приглядываться к настоящему ремеслу, возле рихтовщиков или мотористов, а не носиться весь день с гофрированным членом.

Когда Влад явился утром на сервис, его с порога отправили за пивом. Потом он пару часов слонялся без дела, наблюдая за работой автослесарей (несколько раз его просили подать инструменты, затем он принял участие в массовом толкании микроавтобуса с полетевшей коробкой передач – в этом были задействованы буквально все, невзирая на лица; разок его обматерили, когда он перепутал рожковый ключ с торцевым... в общем, время не было потрачено зря). И только ближе к обеду его подпустили к первой машине. Это был «форд-эскорт» конца 80-х, готовый к сдаче после капитального ремонта.

– Смотри и помни, – сказал один из рабочих в заляпанной шпаклевкой робе (его имени Влад еще не знал), которому поручили провести с ним инструктаж. От этого «смотри и помни» Влад чуть не прыснул. Но мужчина как раз нагнулся к ведру с водой, где в пене шампуня плавали две замусоленные поролоновые губки.

– Всегда надо начинать с крыши, – губка шлепнулась над тем местом, где сидит водитель, обдав Влада брызгами мыльной воды. – Ясно?

Влад кивнул.

– Потом пляшешь вниз. Когда дойдешь до фальшборта, открой двери, чтобы обмыть пороги, колеса трогай в самом конце. Потом из шланга. Дерзай...

Инструктаж занял ровно пятнадцать секунд.

Мытье – больше часа. К концу работы у Влада жутко разнылись плечи и спина, особенно спина, а сам он ниже пояса вымок до нитки. Проходивший мимо его закутка в углу цеха мастер смены бросил, что если Влад будет так медленно валандаться с каждой тачкой, то мелкие клиенты ждать не станут, потому что мойка здесь – всего лишь необязательный довесок к основному сервису. Мотай на ус, парень.

Но на его счастье (хотя с какой стороны поглядеть) «форд-эскорт» оказался единственной машиной, которая нуждалась в душе. Как следовало из пояснений мастера смены, обычно за

день у них бывает до десяти, иногда до пятнадцати и даже до двадцати, а сегодня просто не задалось.

«И... в следующий раз принеси резиновые сапоги», – добавил он, посмотрев на ноги Влада.

Его еще дважды посылали за водкой – в небольшой магазинчик, расположенный стратегически выгодно прямо через дорогу от ворот автосервиса, а затем, наконец, отпустили домой, на полтора часа раньше.

Так прошел его первый день на работе.

Эта неделя была особенно трудной, но постепенно Влад стал втягиваться. В каком-то смысле мойка машин даже начала ему нравиться.

Начальной точкой отсчета в крахе его карьеры на СТО послужил момент, когда один из клиентов, чью машину он только что вымыл, предложил чаевые (как правило, клиенты платили в кассу, в том числе за дополнительное обслуживание). Владу и в голову не пришло отказываться (гордо задрав подбородок): он каждый день наблюдал, как автослесари пользовались любой возможностью опустить купюру-другую себе в карман, следуя неизменному принципу сферы услуг. Так к чему корчить из себя клоуна?

Но первый шаг к своему позорному изгнанию он сделал сам. Через день или два его посетила мысль, что заглянуть в бардачок или под сидение – это совсем не большой грех. То есть вообще не грех: просто посмотреть, что кладут туда люди, которые могут выложить за устранение маленькой царапины на дверце или крыле больше месячной пенсии его родителей, кому от этого станет плохо? Ну и... поскольку чаевые явно не торопились превращаться в правило, стильные солнцезащитные очки с узкими дымчатыми стеклами ему уж никак не могли показаться лишними к следующему лету.

Потом был маленький калькулятор «Сони».

Иногда попадались деньги – в основном мелочь. Но однажды у него прямо дух захватило при виде пятисот долларов, выглядывавших как роскошная закладка из дорожного атласа, который лежал за дверцей бардачка. Это случилось за день до того, как он попался на горячем. Одну из сотенных купюр Влад аккуратно извлек двумя пальцами; иногородние номера «джипа-череки» возымели магически ободряющее действие.

Глупый прокол. И случился-то по его собственной вине. Впрочем, где-то на подсознательном уровне Влад давно понял, что идиллия не может длиться вечно. И перед ним два пути: либо остановиться самому, либо рано или поздно его кто-нибудь уличит (и благо еще, если это будет кто-то из своих).

Он решил добросовестнее исследовать пространство между передними сидениями, потому что ему показалось, будто... ладно, с некоторых пор он просто не оставлял ни одного укромного местечка, если туда было можно сунуть нос, вот и все. А то, что он при этом умудрился каким-то непостижимым образом зацепить локтем клаксон, было просто чертовским невезением. И просто привлек внимание крутившегося неподалеку директора всей этой славной шараги, да еще застрял в салоне с выставленной наружу задницей, паникуя и обливаясь литрами пота. А тот просто поманил его пальцем, приглашая следовать за ним в конторку.

– И много успел? – Не дожидаясь, пока Влад ответит, директор занялся какими-то бумагами у себя на столе. – Пошел вон.

Просто лоханулся.

Что ж, он и не помышлял убиваться из-за таких пустяков (особенно, если не возвращаться к унижительному эпизоду в конторке), совсем другое дело – как сообщить об этом родителям. Опустив кое-какие детали, разумеется. Сотня из «джипа-череки», конечно, настроивала на более оптимистический лад, давая оттянуть на некоторое время неприятный момент... и вообще, почему бы не подыскать за этот срок другую работу, так? И все шито-крыто.

Вот только идея новой работы Влада не слишком зачаровывала, по крайней мере, сейчас. Нужен был тайм-аут.

С такими мыслями он возвращался домой в тот день. Где-то уже на подходе к дому Влад спохватился, что ничего не придумал с пакетом в руке, где лежала его сменная одежда и пара резиновых сапог. Обычно он оставлял это в шкафчике на работе. Но работы больше не было. Пройдя шагов двадцать, Влад нашел выход, на его взгляд вполне уместный в сложившихся обстоятельствах – отправил содержимое пакета в ближайший мусорный контейнер. Теперь он может по-прежнему не брать с собой ничего по утрам, кроме обеда, когда будет... хе-хе, уходить на работу.

Потом он вспомнил, что вернется домой значительно раньше обычного. Это было нехорошо, потому что могло вызвать ненужные вопросы. Свернув пакет и засунув в карман куртки, Влад зашагал в противоположную от дома сторону.

Он вновь ощутил то слегка уже подзабытое чувство, которое всегда испытывал, если решал прогулять занятия в школе. Оно было совершенно особенным и приятно перебирало нервы холодными пальцами, как гитарные струны; и лишь становилось сильнее оттого, что никто не знал, чем он занимается. Чувство двойной жизни.

Влад никогда особо не интересовался игрой на автоматах: во-первых, у него крайне редко водились карманные деньги, а во-вторых, он находил данный способ их просаживания слишком глупым (гораздо приятнее было их потратить на что-то более... осязаемое, что ли; например, на банку пива, если был уверен, что запах успеет выветриться до прихода домой, или на сигареты, но с тем же условием). Но в этот раз в своих бесцельных блужданиях по Львову, заметив павильон зала игровых автоматов, решил зайти. Излишек времени все еще составлял более часа, а вновь обретенный статус *двойной жизни* содействовал некоторому плюрализму взглядов.

И что являлось, может быть, самым важным – у него были деньги.

Он дал себе слово, что ни при каких обстоятельствах не станет играть, и переступил порог, не подозревая, что меньше чем через сорок минут произойдет его полное обращение в новую веру.

Помещение наполняли перезвон и шелканье многочисленных игровых устройств, расставленных по периметру вдоль стен: рулеток, покера, одноруких бандитов и прочих придумок для выуживания денег из карманов тех, кто пришел с намерением их пополнить – за счет тех, кому везло меньше; странно вписываясь в гул голосов, звучала попсовая музыка; в сизотабачном воздухе витал дух пива и азарта. И только люди казались менее реальными, как персонажи некоего действия, происходящего во сне. Для Влада это было подобно вступлению в терра инкогнита.

Какое-то время (он очень скоро открыл для себя, что здесь время неслось в совершенно ином темпе, чем во внешнем мире) Влад наблюдал за игрой посетителей, переходя из одного места в другое. Пока, наконец, его внимание не привлекли автоматы типа «покер», которые казались Владу наиболее интересными и создавали почти нерушимую иллюзию влияния игрока на конечный результат. В итоге он подумал, что ничего страшного не случится, если немного поиграет сам.

Следующий этап можно было бы назвать пробуждением. Такое случается, когда человек внезапно приходит в себя и обнаруживает, что не может толком определить, сколько минуло времени и четко вспомнить свои действия. В таком же положении, наверное, не раз оказывался Бостонский Душитель. «Какого черта я еще здесь делаю?» – подумал Влад, глянув на часы и выяснив, что должен был явиться домой два часа назад. При этом он не сумел бы точно сказать, сколько раз уже успел смотаться в обменный пункт, чтобы поменять очередную дозу долларов. Он с ужасом подсчитал, что сотня баксов не просто значительно потеряла в весе – она таяла прямо на глазах: к этому моменту у Влада оставалось сорок пять долларов... всего

сорок пять! Разве *столько* раз он говорил себе: «Ну, еще разок и все», прежде чем снова сбегать к обменнику? Этого просто не могло быть. Это невозможно. Но это было именно так. Память нехотя, кусками начала возвращаться к нему, как к страдающему амнезией. Боже, что он наделал!

Но это было еще не все. Сквозь отчаяние, сквозь страх неизбежности того дня, когда он должен будет принести деньги домой (или сообщить правду о том, что его вышибли с работы с удержанием всего жалования), сквозь тошное чувство напрасно потерянных денег и жалость к себе – Влад уже точно знал, что завтра придет сюда снова. И опять, и опять...

Он стал приходить каждый день, не редко простаивая излишек лимитного времени с абсолютно пустыми карманами и наблюдая за игрой других. Спустя несколько дней Влад начал легко узнавать в лицо постоянных членов местного клуба «севших на кнопку» (как он окрестил их про себя), но сойтись с кем-нибудь близко не стремился. Они тоже не проявляли инициативы. Здесь нарушением этикета являлись иные вещи.

От скорого (и, думается, неизбежного) краха Влада спасла лишь вынужденная мера брать с собой строго ограниченный запас денег, а постоянное присутствие дома матери страховало от того, что, проигравшись в пух и прах, он не бросится за ними среди бела дня. В выходные было сложнее, но он сумел это как-то преодолеть.

Один раз ему посчастливилось пробить на удвоение пять раз подряд выпавший «фулл хаус» и даже хватило ума не зарываться и слить выигрыш в кредит. Это был единственный раз, когда Влад вернулся вечером домой, имея в кармане больше, чем утром. Точнее говоря, вообще что-то имея. Как-то игрок, из тех, что постоянно вертятся в зале, заметил (несколько нарушив местные правила хорошего тона), что главная проблема в игре Влада – мелочность, поэтому он пытается слишком много выжать из ерунды, и, как правило, «сгорает», зато не видит по-настоящему хороших моментов.

День X близился, а Влад все еще не знал, что делать. Даже подспудный страх не помешал двум неделям слиться в сплошную полосу игры (дзинь-тринь... тринь-дилинь), которую прерывали лишь редкие моменты прозрения.

Потом наступила суббота, когда он унес последнюю заначку, оставшуюся от сотни. Развязка должна была наступить в понедельник, максимум на день-два позже, если бы Влад сочинил какую-нибудь отговорку.

Он зашел в зал и направился к автомату, на котором играл чаще всего – не то чтобы Владу на нем больше везло, просто нравилось его расположение в углу. Он не строил надежд. Нет, серьезно, даже не помышлял. Это была игра – его Игра.

И тогда услышал голос.

Когда Влад миновал большое серое здание Главпочтамта, ему на лицо упали первые капли дождя. Прохожих на улице заметно поубавилось. Свернув на улицу Коперника, Влад замедлил шаг; усиливающийся капельный десант, падающий с неба, его не волновал. Уже в который раз прикинул в уме выигрыш, – получалось, денег было больше, чем две недели назад. Немного, но больше.

Тринь-дзинь... тринь-дилинь...

Мелькающий мастями экран все еще стоял перед глазами, накладываясь на темную улицу, как картинка слайдера.

Дзинь-тринь... дилинь-дзинь...

Двойная жизнь продолжается, не так ли? Послезавтра, то есть в понедельник, он устроит торжественное вручение... нет, он просто как обычно вернется вечером домой и скромно кинет бабки на стол: «Я там немного заработал». Вот так, без всяких претензий. Скажет только это и больше ничего. Как будто речь идет не о его первых заработанных в жизни деньгах, а о

чем-то несущественном, вроде яичницы. «Я там немного заработал», – и все. А потом отправится смотреть телевизор. Гм, нужно будет так и сделать.

Тринь-дилинь... дилинь-дзинь...

Но завтра он обязательно сходит в зал, вдруг вспышка интуиции, как сегодня, произойдет снова (или его посетит Дух Великого Игрока).

Тринь-тринь... тр-р-р-ра... клинк-дзин-нь...

Дух Великого Игрока! Это круто. А если везение продолжится... Влад услышал, что его кто-то догоняет. Но решил не оборачиваться назад: какое ему дело? Важно повторится ли завтра... Их там сзади, кажется, двое.

ДЗИНЬ!

За секунду, как они поравнялись, Влад сбавил шаг, чтобы пропустить идущих вперед. «А может, преподнести мамаше какой-нибудь презент, не слишком дорогой, пускай пустит слезу...» – успела мелькнуть мысль, прежде чем один из догонявших на шаг оказался впереди, другой что-то замешкался. Маленький такой презент. Почему бы и нет, утрет этому старому козлу...

– Опа! – Обогнавший Влада резко обернулся и они едва не столкнулись.

– Ты? – Вырвалось у обоих почти одновременно.

Влад первым протянул руку бывшему однокашнику. Тот ее небрежно потиснул и глянул за спину Влада, усмехаясь своему попутчику. Оборачиваться назад Владу что-то совсем не хотелось.

– Как жизнь? – спросил он.

– Мал-помалу, – бывший однокашник, которого звали Стасом, пожал плечами с резко заскучавшим видом. – Может, стоит отметить встречу, как считаешь?

– Да я, вообще-то... – улыбнулся Влад, – тороплюсь домой.

– А мы – нет, – внезапно рассмеялся Стас и добавил, как-то странно подмигивая: – Твое присутствие не обязательно.

Его спутник фыркнул следом. И Влад вдруг все понял: знают. Они знают, потому что такие, как эти, *всегда* знают – каким-то особым внутренним чутьем.

Он шмыгнул носом, втянув соплю, и ощутил, как густая слизь медленно опускается в горло.

– Не жмись, Тюфяк, – все еще улыбаясь, сказал Стас, почти дружески.

«Тюфяк» было дурным знаком – погоняло, которое чаще других заменяло ему в школе имя. Особенно в старших классах, когда у большинства парней начали стремительно развиваться настоящие мужские мышцы, а у него стремительно – брюхо да задница. «Тюфяк» было совсем нехорошо, тем паче сейчас, на темной пустынной улице в компании таких ребят, как Стас.

– Хорошая была игра, – сказал тот, что стоял сзади. Влад повернул голову и увидел парня в синей балониевой куртке из зала автоматов; только уже без неизменной банки пива.

– Что...

И Влада согнуло пополам от взрыва нестерпимо огромной боли в паху, потому что в этот момент Стас ударил его ногой. Осев на мокрый тротуар, Влад даже не почувствовал, как парень в синей куртке успел обшарить его карманы и вытащить деньги, только увидел, что сложенные купюры передаются из рук в руки и исчезают за пазухой Стаса.

От умопомрачительной боли Влад не разобрал слов, которыми обменялись бывший однокашник и парень из зала, прежде чем отправиться своей дорогой. Проходя мимо, тот пинком отбросил ногу Влада, выставленную поперек тротуара.

А Стас, не оборачиваясь, махнул ему рукой:

– Бывай, Тюфяк, держи кол дыбом.

Влад беззвучно открыл рот, зажмурился и прижал затылок к холодной и твердой стене дома. Казалось, все случилось мгновенно. Вот он шел, унося в кармане выигрыш, о котором донедавна не смел даже мечтать и который решал почти все его проблемы, и вот уже...

– О Господи... – он чувствовал, как промокают насквозь штаны на заднице и стремительно распухает мошонка.

Потом заплакал.

Глава 2

Через пять минут, все еще всхлипывая и корчась от боли в пухнувших яичках (а они продолжали пухнуть, и пухнуть... будто спеющие с невероятной скоростью сливы), Влад, наконец, заставил себя подняться на ноги и заковылял по улице, затуманенной дождем, проклиная мучительные спазмы в паху, мокрую задницу, собачье дерьмо, в которое он вляпался правой рукой, когда упал на тротуар, и измазал рукав куртки до самого локтя, потому что не сразу заметил; проклиная Стаса и ему подобных, проклиная погоду и собственных родителей, хотя сейчас они были совершенно ни при чем, проклиная все на свете игровые автоматы и ублюдков, которые их выдумали... проклиная чертов голос, позволивший ему выиграть и начать строить далеко идущие планы...

Да, во всем был виноват этот гребанный голос – сраная интуиция или что бы там ни было – его подставили, дали ощутить вкус победы, а потом грязно кинули, врезали по яйцам и заставили вывалиться в собачьем дерьме...

Пройдя шагов двадцать, каждый из которых отдавался упругими толчками боли аж в желудке, он остановился у входа в закрытый фотосалон «Кодак» и разрыдался с новой силой.

Мимо на большой скорости пронеслась машина, обдав его брызгами грязной воды, скопившейся от дождя в длинных узких лужах вдоль бортики тротуара, и ослепив фарами. Влад выкрикнул ругательство и погрозил вслед удаляющимся красным габаритным огням. Но после этого начал понемногу успокаиваться.

Влада дважды вырвало до того, как он преодолел половину оставшегося пути. Голова прояснилась, но идти становилось все труднее. Он испугался, что вообще не сможет добраться домой. Чтобы двигаться дальше, ему пришлось ослабить ремень и приспустить брюки вниз, освобождая больше места невероятно раздувшейся мошонке (ее разнесло, по меньшей мере, раза в три!). Влад, понимая, что сейчас не время и не место размышлять о подобных вещах, все же подумал: теперь, весьма вероятно, он навсегда останется девственником, потому что...

Потому что наверняка тот придурак ему что-то отшиб внутри, что-то там лопнуло, оборвалось... Иначе просто и быть не могло. Он не знал, как сумеет вынести такую боль, если она станет еще хоть чуточку сильнее.

Потом он подумал о родителях. Мысль о том, что двери ему откроет мать (или отец) и увидит в таком виде, Владу показалась абсолютно недопустимой. Меньше всего ему хотелось вступать в объяснения: что угодно, только не это. Подобного на сегодня он просто не выдержит.

Влад попытался нашарить в кармане штанов свои ключи от квартиры, и в какой-то момент ему показалось, что их там нет, – наверное, могли вывалиться, когда тот тип в синей куртке обшаривал его карманы. Или позже, когда он уже оказался на тротуаре, а потом, естественно, ничего не заметил. Но он нашел ключи в другом кармане. Владу удалось их нащупать, и он тут же вскрикнул, нечаянно задев выпирающее болезненное образование между ног размером с грейпфрут.

Некоторые прохожие оборачивались ему вслед, заметив парня, идущего странной походкой, когда Влад пересекал людные места; людные, несмотря на уже относительно позднее время и плохую погоду. Но он не замечал этих взглядов, думая только о том, как попасть скорее домой и пробраться в свою комнату, не попав на глаза родителей.

Оказавшись недалеко от дома, Влад вспомнил о вымазанном в собачьем дерьме рукаве куртки. Эту проблему нужно было как-то решать. Он свернул в закоулок, идущий перпендикулярно его улице, и отыскал подходящую лужу – достаточно скрытую в тени и достаточно большую, чтобы в ней можно было выстирать рукав. Затем стянул с себя куртку и, морщась от боли, осторожно нагнулся, пытаясь сесть на корточки. Не вышло. Он вскрикнул и упал на колени. Похоже, другого способа не существовало.

Он кое-как очистил рукав куртки от налипшего дерьма, которое не успело засохнуть благодаря непрерывно идущему дождю, затем понюхал его и вынужден был удовлетвориться, что теперь дерьма, по крайней мере, не было видно. Так же, стоя на коленях, Влад нацепил куртку (свитер и рубашка успели вымокнуть под дождем и облапили тело холодными влажными объятиями утопленника, но это прикосновение показалось ему даже приятным, потому что несколько приглушало боль ниже пояса) и вымыл руки в той же воде – идти к другой луже и проделывать еще одну процедуру посадки было уже сверх его сил.

Покончив с этой неприятной, но необходимой операцией, Влад медленно поднялся на ноги и постарался не кричать. Через несколько секунд ему пришлось ухватиться за стену дома, поскольку он едва не потерял сознание. Когда подкатившая тошнота и звон в ушах ослабли, Влад, осторожно ступая, двинулся дальше.

* * *

Мать с отцом грызлись на кухне. Это его устраивало как нельзя лучше. Захлопнув входную дверь, Влад крикнул, что уже пришел, стянул в коридоре ногу об ногу ботинки и проскользнул в ванную. Куртку он запихал на самое дно ящика для грязного белья, что стоял под умывальником, затем тщательно вымыл руки и лицо.

Настала очередь заняться самым важным. Влад осторожно расстегнул ширинку брюк...

И не смог удержаться от стона, когда увидел у себя между ног нечто лиловое и грушеподобное, являвшее сплошной эпицентр боли. Это было хуже, гораздо хуже того, что он надеялся обнаружить: мошонку разнесло не в три... а в целых пять раз сильнее. Подобное зрелище могло прибавить седины в волосах и зрелого мужчины, а поскольку это касалось орудия, ни разу не участвовавшего в боевых действиях (только учебные стрельбы), то было способно заставить поседеть даже восемнадцатилетнего.

Владу пришлось отвести взгляд, чтобы перебороть новый ком тошноты, подкативший к горлу.

И тут же он совершил ужасное открытие: что ему необходимо помочиться. Чувство малой нужды едва пробивалось сквозь расплывающуюся медленными волнами боль, но все же сумело подать робкие знаки.

Влад не хотел терпеть, подозревая, что если не решит проблему как можно скорее, ему придется тужить. И, кое-как водрузив на место трусы, перешел в туалет. По дороге он едва не запутался ногами в упавших штанинах, но в последний момент ухватился за косяк двери. От резкого движения яички буквально завопили.

Ему потребовалось несколько минут мучительных, но неизбежных усилий, пока, наконец, из крантика не полилась тоненькая ленивая струйка. Влад прижался взмокшим лбом к прохладному кафелю стены, давая мочевому пузырю освобождаться уже самостоятельно; по его щекам обильно катились слезы. Посещение дантиста казалось встречей с давним приятелем. Родители по-прежнему цапались на кухне, будучи целиком поглощены друг другом, и Влад, может быть, впервые в жизни радовался их ссоре.

Он слил воду в унитазе и застегнул штаны только на одну верхнюю пуговицу; одной вполне достаточно, чтобы пройти к себе в комнату, сохраняя не вызывающий вопросов вид. Мысли об ужине нанесли формальный визит и чинно удалились. Жрать не тянуло нисколько.

«Они должны за это ответить».

Влад тупо уставился на мусорное ведро и так простоял целую минуту, соображая, откуда донеслись эти слова. Ну, разумеется, они прозвучали в его собственной голове, а где же еще? Ведь не мог их сказать кто-то, сидящий в мусорном ведре. Или залезший в бачок унитаза.

Выйдя из туалета, Влад, чтобы избавить себя от лишних контактов, по крайней мере, до утра, крикнул матери, что не голоден и хочет пораньше отправиться спать. Ему не ответили, но по заткнувшимся на мгновение голосам понял, что услышали.

Этого было вполне достаточно.

* * *

Влада целый час лихорадило в постели как при очень высокой температуре (возможно, у него и правда подскочила температура). Ругань родителей переключалась из кухни в их комнату, где благополучно затихла, сменившись храпом отца, и памяти Влада в притихшей квартире ничего не мешало вновь и вновь, подобно зациклившемуся проектору, доканывать его сценой на темной улице Коперника (сценой из его двойной жизни – в зале аншлаги, публика в восторге), подбрасывая в топку переживаний свеженькие подробности.

Боль в паху благодаря неподвижности его тела постепенно унялась, перейдя в ноющую пульсацию ниже пояса. Утром Влад очень надеялся заметить перемены к лучшему, поскольку в обратном случае ему бы предстоял кошмарный визит к врачу (и как следствие, малоприятное объяснение с родителями). А потом, возможно, даже... О, Боже...

Операция.

«Это не сойдет им с рук, обещаю».

Влад подпрыгнул на кровати. Не обращая внимания на взрыв боли в яичках, он лежал и слушал, слушал комнату, слушал себя. Слушал... и желал услышать, потому что уже наверняка знал, что услышит снова. Это был ужас понимания.

Раньше он полагал, что голос в его голове – и в зале игровых автоматов, и уже дома, когда он стоял в туалете, пытаясь выдавить из себя несколько капель, – всего лишь причуда его собственного воображения. Но только в этот момент его пронзила внезапная уверенность, что с ним действительно говорят. Кто-то все время наблюдал за ним.

– Кто здесь? – сказал Влад в темноту.

Может, у тебя просто крыша едет? – спросило левое полушарие его мозга у правого. Нет, не думаю, – последовал ответ.

– Кто...

«Друг... друг, о котором ты всегда мечтал, но которого у тебя никогда не было».

– Я, – Влад осекся.

Это произошло, контакт состоялся, он получил доказательства.

– Где ты?

«Близко».

– Мне очень плохо, – Влад вел отчаянную борьбу с наползающим из темноты ужасом. – Мне плохо...

«Я знаю».

– Почему я тебя не вижу?

«Потому что ты не можешь меня увидеть. И не трясись, я не причиню тебе вреда».

– Точно?

«Конечно. Никогда».

– Это ты помог мне в зале?

«Разумеется».

– Значит, ты правда... друг?

«Если бы было иначе, разве стал бы я тебе помогать, верно?»

– Кажется, да, – согласился Влад, все еще млея от ощущения ирреальности происходящего. Теперь-то он понимал, что, должно быть, чувствовали те ребята из «От заката до

рассвета», когда забрели в бар «Крученые титьки» и поняли, в какой компании очутились. Только... если голос сказал правду, почему же тогда...

– Почему ты не предупредил, что они идут за мной?

«Потому что сам этого не знал. Мне очень жаль, что они так поступили с тобой. Но я обещаю, они сильно пожалеют о том, что сделали. Мы их найдем и серьезно поговорим».

Сам не зная, почему, но Влад сразу поверил.

– Ты собираешься наказать их, да?

«Не я – это сделаешь ты».

– Но *как*? – Влад даже приснул. И скривился от боли в мошонке, которую вызвал спазм смеха. – К-как?

«Об этом не беспокойся».

– Господи, да я даже не знаю, доживу ли с этим до утра, – он коснулся кончиками пальцев низа живота.

«К утру все пройдет. Бывает и хуже, поверь».

К *утру*? Влад хотел было спросить, уж не собирается ли голос его исцелить, как в тех религиозных передачах, на которые он иногда наткнулся, щелкая каналами «ящика», и никогда не смотрел, потому что считал, что если бы и впрямь после чего-то такого хромы плясали и слепые бежали в кино, (а ушибленные яйца принимали нормальную форму), народ валом бы пер в эти секты. Но не спросил.

А как насчет сегодняшней игры? – сам себе возразил Влад вместо этого. Предсказать ходы игрового автомата, где все построено на случайных числах, тоже ведь невозможно.

– Почему? – Спросил Влад.

«Что – почему?»

– Почему... я?

«У нас есть что-то общее. Нас обоих заставили играть по чужим правилам, унизили. Разве не так обошлись с тобой?»

– Да, – прошептал Влад.

«Только давай договоримся, ты не будешь задавать слишком много вопросов, потому что скоро сможешь во всем разобраться сам».

– Хорошо, – что-то замаячило на периферии его сознания, какое-то сомнение, но исчезло, не найдя возможности зацепиться.

«Я предлагаю покончить с этим раз и навсегда, – сказал голос. – И начать игру по своим правилам».

– Как это?

«Подонки, что напали на тебя, должны быть наказаны. Разве ты считаешь иначе? Ведь это и есть справедливость».

– Да, – Влад впервые почувствовал, как в нем начинает вскипать настоящая злость и негодование. – Это и есть справедливость. Точно.

«Ты готов призвать их к ответу, готов изменить правила?»

Готов ли он? Что за вопрос!

– Но как? – Влад внезапно засомневался, но это было уже сомнение иного рода. Что он может сделать парням вроде Стаса? Как выступить против них в открытую? Исход такого шага был заведомо предрешен. Вспыхнувший было азарт мести начал стремительно угасать.

Подобное с ним случалось уже не раз, когда он возвращался из школы весь в синяках и подолгу ворочался в постели без сна, воображая, как однажды призовет обидчиков к ответу. Ему грезились их корчи в страшных муках, униженные мольбы о прощении... Но чаще Владу виделось, как эти выродки умирают какой-нибудь ужасной смертью. В мире своих фантазий он был если не Богом, то хотя бы божком, но наступало утро и все расставляло по своим местам.

Этот голос, назвавшийся его другом, мог внушить ему надежду, может быть, даже подвигнуть на что-то неординарное. Но он не был способен сделать из него кого-то другого или на худой конец придать ему ощущение некоего жесткого стержня внутри, отсутствие которого в ситуациях вроде сегодняшней Влад ощущал сильнее, чем присутствие всего остального. А это значило, что завтра наступит очередное беспощадное утро. Вот в чем была проблема.

«Доверься мне, – сказал голос. – Я знаю, чего ты боишься. Но если мы будем действовать вместе, им нас не одолеть».

И Влад снова поверил.

«Тогда чего мы ждем?»

– Что... СЕЙЧАС?

«Зачем терять время».

– Но...

«Тише, тс-с-с... А то твои предки решат, что ты привел к себе женщину».

Мысль о том, как он приводит женщину к себе в комнату, Влада развеселила и очень понравилась. Похоже, этот голос был... парнем что надо.

«Просто доверься мне, – повторил голос. – И помни, что теперь мы с тобой заодно».

– Конечно, заодно, – произнес Влад и удивился смыслу этих слов.

«Слушай меня: закрой глаза, вот так, хорошо. Мы сейчас кое-что сделаем. Тиканье часов, они там. Теперь приближайся к ним».

– Я не...

«Приближайся к их тиканью. Разве ты не видишь комнату?»

– Ком... о, черт! Я *могу*.

«Тогда смелее».

– Боже, у меня получилось.

«Который ты видишь час?»

– Начало первого.

«А точнее?»

– Восемнадцать с половиной минут.

«Теперь встань и проверь».

Влад начал подниматься с постели и вдруг застонал. В промежности разыгралась целая баталия. Невероятно, но он совсем об этом забыл! Он кое-как проковылял по комнате, стараясь ни на что не налететь в темноте, взял с книжной полки будильник (старый работяга, звон которого он успел глубоко возненавидеть за более чем десять лет) и поднес к окну, чтобы лучше рассмотреть круглый, с тонкими золотистыми стрелками циферблат.

– Это какой-то фокус?

«Ложись, у нас на сегодня большая программа», – вместо ответа сказал голос.

* * *

Он летел над ночным городом. Внизу проплывали узкие извилистые улочки центральной части Львова, мерцали огоньки. Слева от него целилась в небо белая башня городской Ратуши. Влад поменял направление и дважды облетел ее. Затем, сделав невероятное ускорение, рванул вверх, где на высоте четырнадцати километров завис между облаками и черным, усеянным мириадами звезд небом.

Все это не требовало от него ни малейших усилий, то есть так ему, по крайней мере, казалось. Это было захватывающе грандиозно!

Он резко спикировал вниз, пронизывая слой облаков, пронесся над крышей Оперного театра, площадью с памятником Шевченко, одиноко тянущим руку в пространство, словно за подаянием, и оказался над безлюдной улицей Коперника.

Влад опустился еще ниже: с высоты метров в пять он видел место, где проходил вечером, возвращаясь домой из зала игровых автоматов, и где лишился всего своего выигрыша. Мог даже отчетливо различить размазанную кучу собачьего дерьма на тротуаре, в которую угодил локтем; ее развезло еще сильнее от непрерывно идущего дождя.

«Довольно», – сказал голос.

Влад практически не представлял, сколько прошло времени до этой минуты после того, как он покинул свою комнату. Пять минут? Возможно. Час? Вполне вероятно.

Хотя «покинул» было не совсем верно. Влад ни на мгновение не терял ощущения собственного тела, по-прежнему лежавшего в постели, ни на миг не прекращал слышать ноющую боль в промежности. При необходимости он мог перевернуться на бок или почесать нос. Только его зрение и слух находились сейчас в совершенно другом месте – ночная улица Коперника, слегка затуманенная изморосью дождя; мягкое шуршание капель о мостовую; редкие светящиеся окна домов – в одном из них, как ему говорили, жил писатель по фамилии Мазох, тот, от которого произошло странное слово «мазохизм», вроде бы означавшее...

«Довольно, – повторил голос. – Пора заняться делом».

Из-за эфемерности происходящего Влад не мог отделаться от ощущения, что видит сон. И этот сон перестал казаться ему таким уж страшным.

– Это просто... Это так... я не знаю, – прошептал Влад.

«Да-да, конечно, – спокойно сказал голос. Впрочем, он все время оставался спокоен и бесстрастен. Как диктор новостей. – Первый раз всегда впечатляет. Есть идеи, где их искать?»

– Кого? Ах, ну да.

Влад поднялся над домами и, постепенно наращивая скорость, устремил свой полет в сторону Привокзальной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.